

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АРКАДИЯ БЕЛИНКОВА

ГОРЕ УМУ

2 февраля 1944 г.
Допрос начат в 21 ч. 10 м. 2/II-44 г.
Окончен в 2 ч. 20 м. 3/II-44 г.
— Вы намерены давать показания по своей антисоветской деятельности?

— Антисоветской деятельностью я не занимался. Признаю свою вину только в том, что у меня были антисоветские взгляды на литературу.

— Речь идет не только о Ваших антисоветских взглядах на литературу, но и о Вашей антисоветской работе.

— Антисоветской работы у меня не было. Что же касается моих антисоветских взглядов, то они изложены в моем неизданном романе «Черновик чувств» и в стихотворении «Русь 1942 года».

Я считаю, что буржуазные государства в отношении демократизма и свободы слова имеют преимущества по сравнению с Советским Союзом. Это убеждение привело меня к тому, что я чувствовал себя в Советском Союзе чужим человеком, эмигрантом! Отсюда и строки в моем романе: «Эмигрант я. Мы тайно живем в России с какими-то заграничными паспортами, выданными «обществом друзей Советского Союза».

В связи с этим же я писал о «тягостной поре диктатуры пролетариата», которая мешала, как я полагал, свободному развитию индивидуальности художника.

В ряде мест романа есть утверждения, опорочивающие советскую действительность. К ним относятся строки о том, что в Советском Союзе сажают в тюрьму людей за то, что они рискнули пройти по улице «имени пролетарского писателя Горького в разноцветных штанах», а также о том, что «пролетариат не делает искусства по своему образу... а делает какие-то странные вещи, похожие на него подвыпившего и все... улыбающегося».

В стихотворении «Русь 1942 года» строками: «Трудно сказать, что ей (России) лучше — краткий курс или белых церквей малиновый звон» я ставил вопрос о том, что же лучше для России — идеология марксизма-ленинизма или религиозные убеждения.

— Неужели Вы намерены всерьез утверждать, что под «малиновым звоном белых церквей» имели в виду только религиозные убеждения?

— Да, я имел в виду именно религиозные убеждения.

— А мы понимаем Вас шире — в строках стихотворения речь идет не о религиозных убеждениях, а о строе типа буржуазно-демократических государств. Так это?

— Повторяю, что в стихотворении «Русь 1942 года» я ставил вопрос о том, что для России лучше — идеология марксизма-ленинизма или религиозные убеждения.

логия марксизма-ленинизма или религиозные убеждения.

— Россия сама, без вашей помощи, определила, что ей лучше. Скажите лучше, что для Вас приемлемее — советская власть или буржуазно-демократический строй?

— Я над этим вопросом не задумывался. Но считаю, что для меня приемлемее советский строй, хотя я и считал, что буржуазные государства в отношении демократизма имеют преимущества в сравнении с Советским Союзом.

— А по нашим данным для Вас приемлем буржуазно-демократический строй. По этой причине вы и распространяли идеи «переустройства» советского строя на буржуазно-демократический лад.

— Я уже сказал, что для меня приемлемее советский строй и идеи «переустройства» этого строя на буржуазно-демократический лад я не распространял.

— Вы распространяли эту идею не только в своем пасквильно-клеветническом произведении, но и в беседах со своими знакомыми. Почему скрываете это?

— Как в своем романе «Черновик чувств», так и своим знакомым я говорил только о том, что буржуазные государства в сравнении с Советским Союзом имеют преимущества только в отношении демократических свобод. Далее, я считал и говорил, что после войны в Советском Союзе будет некоторое послабление в части цензуры. Других вопросов я не касался и о необходимости переустройства советского строя на буржуазно-демократический лад не говорил.

— Ответы записаны с моих слов верно и мною прочитаны.

Арк. Белинков.

Допросил. Подпись.

4 февраля 1944 г.

Допрос начат в 18 час. 20 мин. Окончен в 23 час. 25 мин.

— Сегодня Вы так же намерены утверждать о том, что к советской власти относились положительно?

— Да, я по-прежнему намерен утверждать, что к советской власти относился положительно.

— Произведения пасквильно-клеветнического характера в отношении советской действительности писали?

— Нет.

— Но ведь Ваш «Черновик чувств» — это гнуснейший пасквиль на совет-

скую действительность. Признаете это?

— В целом свой роман «Черновик чувств» пасквилем на советскую действительность не признаю. Однако в романе содержится ряд антисоветских утверждений, касающихся советской литературы, и ряд мест, порочащих советскую действительность.

— Своим знакомым читать «Черновик чувств» давали?

— И сам читал и читать давал.

— В разговоре со знакомыми враждебные взгляды на советскую действительность высказывали?

— Высказывал только в части, касающейся литературы.

— А по другим вопросам?

— Высказывал также по вопросу советской демократии.

— Что конкретно?

— Своим знакомым я говорил о том, что в Советском Союзе отсутствуют свобода слова и свобода печати и что буржуазные государства в этом отношении имеют преимущества по сравнению с Советским Союзом.

Когда я говорил с кем-то из своих знакомых о том, что повесть Зощенко «Перед восходом солнца» снята с печати в журнале «Октябрь», а также о том, что газета «Известия» резко осудила Сельвинского за одно стихотворение, — я сказал: «Судите сами, о какой же свободе может идти речь».

О других вопросах советской действительности, ничего антисоветского я не высказывал.

— А по нашим данным это не так. По нашим данным Вы не только высказывали свои антисоветские взгляды на литературу и советскую демократию, но и вели активную антисоветскую работу по сколачиванию антисоветских кадров из числа Ваших знакомых.

— Приступайте к даче показаний о своей преступной деятельности.

— Такой работы я не вел. В числе моих знакомых антисоветски настроенных лиц нет.

— Ваши показания по этому вопросу не соответствуют действительности. В проведении этой работы Вы будете изобличены. А теперь остановимся на Ваших показаниях. Вы признали, что:

1. Писали произведения антисоветского содержания;

2. Эти произведения давали читать своим знакомым;

3. Высказывали антисоветские взгляды на советскую литературу и советскую демократию.

После этого не ясно — почему же Вы заявляете о своем положительном отношении к советской власти?

— В целом к советской власти я относился положительно. Но к политике советского правительства в области литературы я относился враждебно и считал, что в Советском Союзе отсутствуют свобода печати и свобода слова. Эти взгляды я не отождествляю с советской властью.

— Ответы записаны с моих слов верно и мною прочитаны.

Арк. Белинков.

Допросил. Подпись.

«Утверждаю»

«12» февраля 1944 г.

Нач. Следотдела УНКГБ МО

Подполковник Госбезопасности

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о предъявлении обвинения)

Город Москва 1944 г. февраля «12» дня. Зам.нач. 2-го отделения Следотдела Управления НКГБ СССР по Москве и Московской области — Капитан Госбезопасности — Н., рассмотрев следственный материал по делу №31 и приняв во внимание, что Белинков Аркадий Викторович достаточно изобличается о том, что будучи враждебно настроен к Советскому строю, в кругу знакомых лиц высказывал свои антисоветские убеждения и клеветнические измышления о советской действительности и руководителях Советского государства. Группировал вокруг себя политически неустойчивых студентов Московских учебных заведений и пытался создать нелегальный литературный кружок, на собраниях которого имел намерение подвергать критике политику ВКП(б) и Советского правительства в области литературы и искусства и с антисоветских позиций истолковывать советскую действительность.

Кроме того, написал ряд произведений антисоветского содержания.

ПОСТАНОВИЛ:

Руководствуясь ст.ст.128 и 129 УПК РСФСР, привлечь Белинкова Аркадия Викторовича в качестве обвиняемого по ст.ст.58 п.10, ч.2 УК

РСФСР о чем объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

Копию постановления, в порядке ст.146 УПК РСФСР, направить Прокурору.

Зам.Нач. 2 отд-ния Следотдела УН КГБ МО

Капитан Государств.Безопасности (подпись)

«Согласен» Нач. отделения отдела (подпись)

Настоящее постановление мне

объявлено «12» февраля 1944 года.

Подпись обвиняемого.

Арк.Белинков

Показания обвиняемого Белинкова Аркадия Викторовича «12» февраля 1944 года.

Допрос начат в 18 час. Окончен в 21 час. 50 мин.

— Вам предъявлено обвинение в том, что Вы будучи враждебно настроены к советскому строю, в кругу знакомых лиц высказывали свои антисоветские убеждения и клеветнические измышления о советской действительности и руководителей Советского государства.

Группировали вокруг себя политически неустойчивых студентов московских учебных заведений и пытались создать нелегальный литературный кружок, на собраниях которого имели намерение подвергать критике политику ВКП(б) и советского правительства в области литературы и искусства и с антисоветских позиций истолковывать советскую действительность.

Кроме того, написали ряд произведений антисоветского содержания. Обвинение Вам понятно?

— Понятно.

— Виновным себя признаете?

— Признаю себя виновным частично.

— В чем именно?

— Признаю себя виновным в том, что у меня были антисоветские взгляды по ряду вопросов, связанных с литературой.

Я считаю, что литература может и должна развиваться вне зависимости от исторической и современной действительности по своим внутренним законам, не считаясь ни с какой идеологией. На основании этого я пришел к выводу, что литература не играет той роли, которая ей отводится в нашей стране, и на нее не следовало бы обращать серьезного внимания. Далее, я считаю, что не вся литература должна быть массовой, а что можно писать и для определенного круга читателей, хотя бы для пяти человек.

Кроме того, я считаю, что в Советском Союзе отсутствует свобода слова и печати и что буржуазные государства в этом отношении имеют преимущества по сравнению с Советским Союзом. Это убеждение привело меня к тому, что я чувствовал себя в Советском Союзе чужим человеком, эмигрантом, и диктатура пролетариата для меня была тягостна, мешавшая, как мне казалось, свободному развитию индивидуальности художника.

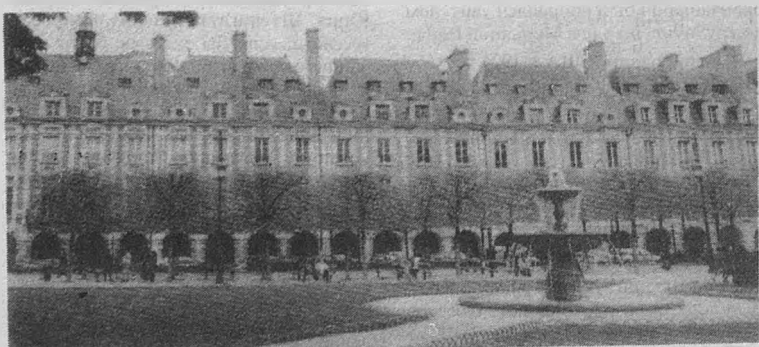
Эти взгляды я высказывал своим товарищам, а также они нашли отражение в неизданном моем романе «Черновик чувств», и в отдельных стихах.

В романе «Черновик чувств» есть ряд мест, опорочивающих советскую действительность.

В высказывании клеветнических измышлений на руководителей Советского правительства виновным себя не признаю. Однако с моей стороны были высказывания о том, что литературная значимость трудов руководителя советского государства значительно меньше их социально-экономического смысла.

Продолжение на стр.12

В прошлом номере «РМ» по нашей вине при верстке этого материала были переставлены местами несколько абзацев. Принося извинения публикатору и читателям, мы сочли необходимым повторить — теперь уже в правильном порядке — часть документов, напечатанных в прошлом номере.

Париж, площадь Вогезов.

Шалвович мог, наконец, сам сделать заказ, благо официант говорил по-русски, хотя и без особого удовольствия. Шалвович попросил принести что-нибудь национальное типично русское. Официант предложил нам «шашлык по-кавказски», на что мы разом засмеялись, долго удивлялись и обсуждали, насколько Кавказ — русская территория и в каком году его любимый Сталин подарил эту армянскую землю Турции.

— Сталин знал, что делал! Так было нужно! А эти армяне всегда недовольны... опять его обвиняют... А вообще, знаешь ли ты, что этот подонков Берия его подслушивал?! Под письменным столом Сталина в его личном кабинете были вырыты огромные люки — 10 метров в глубину, 100 метров в длину... Он, бедный, даже не подозревал об этом. Даже в его спальне подслушивали... любой его разговор, любой секрет знали. Разве это возможно, чтоб у человека секретов не было, да еще у такого человека, как он?! А потом говорят — маньяк, маниакальный синдром... Ерунда все это! Правильно делал, что всех расстрелял!

Официант нетерпеливо ждал... Мы повторили нашу просьбу принести истинно русское блюдо, на что он густо покраснел и зло процедил: «Вам что, кашу принести?» Мы рассмеялись: «Нет уж, лучше шашлык "по-кавказски"!»

Ресторан нам очень не понравился: в нем царила какая-то лживая атмосфера ностальгии по старой России, заправленная псевдорусскими и цыганскими романами.

Тогда я решила им сделать сюрприз, который, действительно, сработал... Шалвович чуть не лишился рассудка от радости: когда мы вышли из такси... над входом в ресторан ярко высвечивалась иллюминация «Шалико».

— Слушай, а мою честь назвали! Шалико! — воскликнул он. — Почему раньше сюда не привезла?!

Грузинская музыка, хинкали, сациви, чхртма, всевозможные грузинские салаты и специи наполнили его существование высшим смыслом!

...Итак, наступил последний день их пребывания в Париже, который они, увы, так и не увидели. Поэтому им захотелось подняться на Эйфелеву башню, чтобы с ее высоты охватить в одно мгновение весь Париж, с его «прелестями и печальностями».

Но добираться до Эйфеля им было не суждено. Дойдя до улицы Риволи до площади Конкорд, они стали жаловаться на усталость. Верико призналась, что не привыкла ходить пешком. Дома она обычно сидела, как «царица на троне», а вообще пользовалась служебными машинами своего супруга.

День был жаркий, к тому же душный... полуобнаженные парижане вперемежку с туристами прятались в тени деревьев, разлегшись прямо на свежестриженной душистой траве. Уловив, с какой завистью смотрит на них уставший банкир, я предложила последовать их примеру: разуться. Но старики не решились. Он был «ири галстук». Она же — «голубых кровей».

Тогда я разулась первой и пошла босиком по траве. Боже, до чего ж это было приятно! Никогда б не подумала! Второй раскололась Верико... и зашептала от удовольствия, как птичка. Затем не выдержал и Шалвович...

Он бегал по траве, как деревенский мальчишка, крича от радости и высоко вскидывая руки, будто пытаясь взлететь. Все это вместе напоминало грузинский танец... он кружился, кружился, пока не упал плашмя на траву. Когда мы к нему подбежали, он плакал...

— 45 лет я не ходил босиком... Слушай, смотри, как ковер! — погладил он траву рукой. — Какой замечательный город Париж! Теперь я понимаю, за что его любят... Вот она свобода, вот она, свободная страна! 35 лет я не снимал галстука... — и он отвязал свой галстук и пустил его в небо, как воздушного змея. — Сейчас я вспомнил свое детство, когда бегал босой в родной Кахетии... сейчас я вернулся в свое детство... Париж мое детство... моя Кахетия! — радовался он, и слезы умиления текли по его старческим щекам.

Все-таки он был человеком земли, мужиком, он понял вдруг это сейчас... понял, что всю свою жизнь «неправильно жил». И сделал он это потрясающее открытие в Париже.

Париж помогает раскрыться... понять суть вещей... освободиться от лжи... найти свою истину... осмыслить и переосмыслить жизнь. Порой это просто, вот так, как сейчас.

— Нет, обязательно надо приехать в Париж! Нужно здесь банк открыть! Землю купить, дом построить... А во дворе будет трава расти стриженная, как здесь! Слушай, какой все-таки замечательный город Париж!

Он так и не увидел Парижа. Зато открыл для себя свою истину! Действительно, какой замечательный город Париж!

В Париж они, однако, не приехали. Уехали в Америку, к внуку. Купили там великолепный дом с бассейном и травой...

Париж

Окончание. Начало в «РМ» №4095.